

ИСТОРИЯ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ

«ОТ ГОРОДА ДО ГОРОДА НА ПРЕЖНИХ ЖИЛИЩА» («ВЫГОНКИ» БЕГЛЫХ ИЗ-ЗА ПОЛЬСКОЙ ГРАНИЦЫ В 30-Х ГОДАХ XVIII В. И РАСПРОСТРАНЕНИЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВА)

И.Н.Юркин

1733—1735

г. — период массовых «выгонок» российских беглых из приграничных с Россией территорий Польши и столь же массовых последующих их переселений. Возможность для осуществления этих масштабных операций возникла после вступления России в борьбу за польское наследство, конкретно — после перехода 30 сентября 1733 г. на правый берег Вислы двадцатитысячного русского корпуса под командованием губернатора Лифляндии генерал-аншефа П.П.Ласси. Среди насильственно возвращённых в Россию было немало старообрядцев. А акция в районе Ветки, осуществлённая весной 1735 г., прямо преследовала цель разгромить крупнейший западный центр старообрядчества.

Остановимся на некоторых подробностях этих событий, основное внимание сосредоточив не столько на «выгонках» (они в литературе описаны), сколько на том, как «выведенные из Польши» возвращались в Россию. В качестве источников используем документы фонда Тульской провинциальной канцелярии Тульского госархива и законодательные материалы, опубликованные в Полном собрании законов (первом).

Событиям в Ветке предшествовало переселение беглых, задержанных за границей в 1733—1734 гг. Арестованных отправляли партиями из нескольких десятков человек. Документы сообщают следующий маршрут их движения (в дальнейшем многократно повторявшийся): Белгород — Курск — Орёл — Мценск — Чернь — Тула — Серпухов. Колодники (крестьяне и однодворцы) отсылались из канцелярии Киевского генерал-губернатора фон Вейсбаха с именным реестром и промеморией. С «выведенными» отправляли солдат или рассыльчиков местной канцелярии. По прибытии в очередной город провожатых отпускали, а арестантов принимали в воеводскую канцелярию. Через день или два, дав новых сопровождающих, отправляли дальше (1).

География рассылки определялась первоначальным местожительством задержанных, которое выясняли при их допросе. Партии комплектовались так, чтобы свести к минимуму связанные с их сопровождением хлопоты. Их составляли из

жителей уездов, находившихся неподалёку от избранного маршрута; при приближении к месту назначения от основной партии отделялись небольшие группы, сопровождавшиеся далее одним—двумя провожатыми. Так, партия, прибывшая в Тулу 6 мая 1734 г., состояла из жителей Московской и Санкт-Петербургской губерний, из городов (и относящихся к ним уездов) Москвы, Кашина, Коломны, Муромы, Костромы, Старой Руссы, Твери, Великого Новгорода, Торопца, Пскова и других (2). Медленно двигавшиеся группы постепенно таяли, причём не только потому, что от них отделялись добравшиеся до дома, но также из-за смертей и повторных побегов.

Отметим, что в использованных документах, отражающих пересылки 1734 г., о расколе не упоминается. Но есть все основания полагать, что среди «выведенных» уже в это время были и старообрядцы.

В первый день апреля 1735 г. российские войска — 5 полков под общим командованием полковника Якова Григорьевича Сытина — окружили старообрядческую Ветку и вошли в неё. Так началась её первая «выгонка».

Операция эта готовилась давно. Ещё 31 июля 1734 г. в утверждённом императрицей документе (№ 6609 в ПСЗ) находим указание: «полкам приближаться таким образом, чтоб оныя все места, в которых те беглецы жилища имеют, вдруг войсками окружены и они забраны и выведены были в Российскую сторону, а жилища их разорить, чтоб впредь прибежища к поселению их не было». Здесь же — основные правила, которыми следовало руководствоваться при организации переселения (3). Предыдущие акции по возвращению в Россию проживавших в Польше беглых в известной мере подготовили власти к осуществлению весьма масштабной операции, в которую грозило вылиться расселение жителей Ветки и непосредственно связанных с нею слобод. На этот раз в Великороссию предстояло переселить, по одним данным, более 13 тысяч человек (4), по другим — до 40 тысяч (5)!

Предвосхищая события, 18 февраля 1735 г. Сенат выпустил указ (№6691 в ПСЗ), определивший порядок рассылки и продовольствования (на время пребывания в пути) являющихся из-за границы беглых. Рассылать их вменялось на «прежних

жилища». В порядке исключения лицам, заявившим, что они из отдалённых мест, дозволялось селиться на Украине. Не имевшим собственного пропитания было разрешено «во время бытности их в тех местах и в дорогу по расчислению пути провианта давать на каждую семью по осьмине на месяц и круп по пропорции, а у кого будут дети, тем с прибавкою по рассмотрению, где есть магазины, в тех местах из магазинов, а где магазинов нет, вместо того провианта деньгами по пропорции на счёт тех помещиков, чьи те люди и крестьяне». «В те города, в которых оные высланы будут», предписывалось «посылать указы, чтоб данный им хлеб и деньги на помещиках их взысканы были в казну немедленно» (6).

Выдача переселенцам казённого провианта на таких условиях подразумевала учёт как выданного, так и возвращённого. Уведомленная о том Сенатом, Военная коллегия 21 апреля 1735 г. направила соответствующий указ в генеральный Крикс-комиссариат. Тот 6 июня разослал по губерниям и провинциям свои указы, которыми разъяснил правила и ещё раз подтвердил требование погашения помещиками расходов на содержание в дороге их крепостных. Но наладить учёт на удовлетворительном уровне так и не удалось: «изо многих мест» запрашиваемые сведения не были присланы даже год спустя (7).

Подготовка к переселению включала проведённую в мае 1735 г. Канцелярией малороссийских дел рассылку по провинциальным канцеляриям указов с именными ведомостями, сообщавшими, кого и куда намечено было прислать. Предписывалось немедленно сообщить о посадских в ратушу, о крестьянах — их помещикам, дабы те к получению беглых были «в готовности» (8).

Маршрут партий, следовавших через Тулу, совпадал с указанным выше. Одна из них прибыла из Мценска в Чернь 4 сентября 1735 г. В реестре значились беглые, первоначальным местом жительства имевшие Тулу с уездом (5 семей, за вычетом бежавших и умерших — 11 человек), Серпухов (5 семей, 17 человек), Ростов (1 человек) и Вологду (1 семья, 4 человека), всего — 33 человека. Ещё троих, указанных по именам, не было в наличии: один бежал, двое по пути умерли (9). В списках, сопровождавших эту и последующие партии, имеются пометы о даче переселяемым провизии. Выдавалась она, очевидно, в начале пути. Во всяком случае в Туле, по сообщению её провинциальной канцелярии, вплоть до июня 1736 г. арестантам из Польши ни провианта, ни денег не выдавали (10). Как отмечалось выше, в городах арестантов старались долго не задерживать. Остановка большой партии была сопряжена с трудностями, связанными, прежде всего, с её размещением и охраной. Ответственность за арестантов ложилась на канцелярию вое-

водского правления — последние, естественно, стремились поскорее от неё избавиться. Поэтому, например, большую часть прибывших в Тулу 8 сентября уже 9-го направили в Серпухов. Дорога туда заняла 4 дня (11).

Пропустив через Тулу транзитных «путешественников», занялись водворением по домам остальных. 11 сентября солдат провинциальной канцелярии сдал по месту жительства крестьян д. Бабуринной Крапивенского уезда. 13 сентября в с. Глепково того же уезда отправили крестьянскую семью из четырёх человек. Недоразумение возникло с неким Егором Краснощёковым, назвавшимся тульским посадским. Его направили в Тульскую ратушу, но та вскоре сообщила, что человек с таким именем в переписных книгах тульского посада не значится, и потому арестант принят ею быть не может. Решено было допросить Краснощёкова ещё раз (12).

Следующая партия ветковцев прибыла в Тулу из той же Черни 18 октября. Она была значительно крупнее: сопроводительный именной реестр занимал 26 страниц (против трёх предыдущей). На этот раз скомплектована она была из жителей других городов: Москвы (большинство), Алексина, Одоева, Каширы и Коломны. Как и прежде, в неё входили представители самых разных возрастных, сословных и профессиональных групп (между прочим — бывшие стрельцы и их потомки) (13).

Партию разбили на 3 части. Жителей Москвы, Каширы и Коломны 20 октября отправили в Серпухов (они добрались до него 27-го числа). Отдельные группы отправили в Алексин и Одоев (14).

Наряду с большими партиями, вроде описанной, существовали и совсем маленькие. Одна из них — всего 4 человека из суздальского, костромского и серпуховского уездов — прошла обычный маршрут Курск — Орёл — Мценск — Чернь — Тула (в которую прибыла 23 или 24 октября) — Серпухов (15), двигаясь сравнительно быстро: на дорогу от Орла до Тулы затратила меньше двух недель.

Вернёмся на полтора месяца назад — в начало сентября 1735 г. 4-го числа, в день, когда одна из упомянутых выше партий прибыла в Чернь, высочайшее утверждение получил доклад Сената, явившийся очередным шагом государственного регулирования проблем, возникавших при массовых переселениях старообрядцев с территории Польши (в ПСЗ опубликован под № 6802). Документ касается трёх вопросов. Первый — о рассылке ветковских, и из других мест, монахов, монахинь и пустынножителей. Их повелевалось рассылать по монастырям внутри России, правила содержания в которых регламентировались. Второй — о расселении основной массы староверов.

Подход ещё более унифицировался: «посадских и разных чинов людей и крестьян со всеми их пожитками разослать на прежних жилища, кто откуда бежал». Тех, кто утверждал, что места прежнего жительства не помнит, следовало отправлять в Петербург для поселения в Ингерманландии. Компактное поселение старообрядцев не разрешалось. Данное им прежде разрешение селиться «в Украине и при Украинской линии» отменялось. В работе с возвращёнными в Великодержавию особое внимание предлагалось обратить на выявление «раскольнических учителей». Требовалось «всякими удобными способами разведывать, кто между ими есть наставники, учителя, показывая, будто того желают ведать для определения их к ним, раскольникам, по-прежнему». Но в случае успеха дознания предлагалось «тех наставников и учителей всех взять под крепкий караул» и «держат до указа». Третий пункт указа подтверждал ранее установленные правила выдачи переселенцам провианта (16).

Решение о рассылке старообрядцев на «прежних жилища», полагая ослабить раскол путём их помещения в конфессионально чуждую среду, которая должна была их растворить или, по меньшей мере, нейтрализовать, в действительности лишь способствовало распространению раскола. Получилось, что с помощью властей по всем городам и весям были разосланы агитаторы, прошедшие великолепную подготовку в крупнейшем центре зарубежного старообрядчества. Это стало очевидным очень скоро и потребовало принятия мер. Им посвящён сенатский указ от 21 марта 1736 г. (в ПСЗ под №6928), более детально разработавший один из вопросов указа от 4 сентября 1735 г. Новый указ устанавливал очень жестокие наказания за распространение раскола. По пункту первому старообрядцы, «совратившие правоверных», в случае доказательства их вины, ссылались вечно на галеры, а их движимое и недвижимое имущество подлежало конфискации. Такому же наказанию подлежали и попустительствовавшие тому представители местной власти — сельские приказчики и старосты, в городах — бурмистры и ратманы. Особый пункт касался распространения старой веры через семью. В случае, если старообрядец желал крестить или венчать своих детей у священника господствующей церкви, совершать обряд тому разрешалось только «по чину церковному и по новоисправным требникам». Отцы крестившихся должны были взять на себя обязательство (под присягой и с составлением сказки) «тех детей своих... раскольнической прелести не учить, и к раскольническому учению не привлекать», более того, по достижении ими семилетнего возраста они должны были их «представлять в церкви ко исповеди и Святым Тайн причащению». «Впредь расколу не содержать, но быть в правоверии твёрдым» обязаны были и те, кто по обряду официальной церкви сочетался браком.

Подтверждался запрет общения с «раскольническими злыми учителями» и требование, в случае, если они где «явятся, то таковых, ловя, отдавать в гражданския правительства, в которых принимать их, содержать в самых крепких местах под крепким караулом до указа, дабы они утечки и здравую своему повреждению учинить не могли». Местной администрации предписывалось немедленно рапортовать о них Синоду, под страхом «за умедление тем командирам неотменного... штрафования» (17). Этот указ (печатный) через губернские и провинциальные административные структуры в апреле — мае 1736 г. был разослан во все города (18).

В нашем распоряжении нет полной информации о возвращённых в Россию старообрядцах, дифференцированной по уездам, в которые они рассылались. Но есть данные по Тульскому и нескольким окрестным уездам за всю кампанию, пока осуществлялась высылка из Польши. Они относятся к 1743 г. В августе этого года в связи, возможно, с подготовкой ко второй ревизии, Камер-Коллегия по распоряжению Сената попыталась проверить, все ли из переселённых из Польши беглых старообрядцев были записаны в подушный оклад. Для «подлинной справки», сняв с присланных из сенатской конторы именных ведомостей точные копии, она послала их в губернии и провинции с тем, чтобы там, на местах, сравнили их с имеющимися переписными генералитетского свидетельства книгами и прочими ведомостями (19).

В приложенных к указу копиях с именных списков персонально упомянуты 106 человек обоего пола, распределяющиеся по городам и уездам следующим образом: Алексин с уездом — 39 человек (36,8 % от общего числа); Одоев с уездом — 29 человек (27,4 %); Тула с уездом — 20 человек (18,7 %); Лихвин с уездом — 8 человек (7,5 %); Епифань с уездом — 7 человек (6,6 %); Крапивна с уездом — 3 человека (2,8 %) (20).

Имеются данные о том, в каких слободах на территории Польши жили беглые. Упомянуты 12 слобод и деревень, а именно: слобода Азаричи, слобода Буда, слобода Ветка, слобода (или деревня) Городянка (Городенки), слобода (деревня) Косецкая (Косицкая), слобода Костянтиновка (Костентинновка), слобода Леонтьева, слобода Михайловка, слобода Новый Крупец, деревня Побушки, деревня Романова и слобода Старый Крупец. По меньшей мере в трёх слободах: в самой Ветке, Городянке и Косецкой — жили выходцы из разных уездов (из указанных в наших списках — в трёх — четырёх).

Интересны данные о времени, когда беглецы пришли в Польшу. К сожалению, в списках указаны, как правило, относительные даты (в диапазоне от 1 года до 34 лет), использовать которые затруднительно, поскольку неясно, от какого времени произведен отсчёт — от «выгонки» (1735 г.)

или от 1743 г., к которому относится указ Камер-Коллегии. Но в ряде случаев (6 раз) даты абсолютные. Они охватывают ровно треть столетия. Самый ранний случай — крепостной из Крапивенского уезда, бежавший из России в 1700 г., самый поздний — дворовый человек из Лихвинского уезда, пришедший в слободу Городенки в 1733 г. (21). Судя по сравнительно равномерно распределённым относительным датам, «подпитка» Ветки пришлым населением на протяжении первой трети XVIII в. шла постоянно.

«Выгонки» старообрядцев из Польши преследовали две основные цели: увеличение совокупного подушного сбора (путём возвращения в ряды плательщиков значительной по численности их группы) и борьбу со старообрядчеством. Вопроса, перекрыл ли прирост подати «себестоимость» «выгонки» (оценить последнюю непросто) здесь не касаемся. Но в плане борьбы с расколом эффект был достигнут прямо противоположный ожидаемому. «Турне» старообрядцев по городам России сопровождалось весьма эффективной по результатам пропагандой старой веры (относящиеся к концу 1740-х годов прямые свидетельства на этот счёт для той же Тулы мы уже приводили) (22). По завершении переселения старообрядцев на «прежняя жилища» выявилось опасное (для государственной церкви) увеличение их численности в регионах, ранее сравнительно мало затронутых расколом. Фактически вся территория России, благодаря настойчивым усилиям административных и военных структур, оказалась «засеянной» старообрядчеством в его ветковской редакции. Надежды на то, что старообрядцы, расселённые среди приверженцев официальной церкви, откажутся от своих заблуждений и «обратятся», не оправдывались. Люди в своём большинстве глубоко религиозные, к тому же только что обиженные грубым вторжением властей в свою жизнь, отнюдь не собирались принимать веру, которую прямо с этой властью связывали. Напротив, многие из них, будучи та-

лантливыми агитаторами, несмотря на строгие запреты, активно распространяли свои убеждения — в результате немногочисленные явные «обращения» сопровождали куда более многочисленные тайные «совращения».

«Выгонки» беглых из Польши, прежде всего первая ветковская выгонка — важный эпизод в истории распространения старообрядчества в России в 30–40-е годы XVIII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Государственный архив Тульской области (далее — ГАТО). Ф.55. Оп.1. Д.3305. Л.5,8.
2. Там же. Л.9–12.
3. ПСЗ-1. № 6609. С.382.
4. Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Киев, 1895. С.302.
5. Мельников П.И. Очерки поповщины // Мельников-Печерский П.И. Полное собрание сочинений. Т.13. СПб.; М., 1898. С.119.
6. ПСЗ-1. № 6691. С.481.
7. ГАТО. Ф.55. Оп.1. Д.4257. Л.1–1об.
8. Там же. Д.3544. Л.1–1об.
9. Там же. Л.4–5.
10. Там же. Д.4257. Л.3.
11. Там же. Д.3544. Л.7–7 а.
12. Там же. Л.6, 8, 8об., 12–12об.
13. Там же. Л.17–29об.
14. Там же. Л.27об., 30–31об.
15. Там же. Л.33–35.
16. ПСЗ-1. № 6802. С.573–575.
17. Там же. № 6928. С.791.
18. ГАТО. Ф.55. Оп.1. Д.3879. Л.1–1об., 4.
19. Там же. Д.6234. Л.1–1об.
20. Там же. Л.2–11об.
21. Там же. Л.4, 10.
22. Юркин И.Н. Связи Тулы со старообрядческими центрами в 1-й пол. XVIII в. // Старообрядчество: история, культура, современность: Материалы. М., 1998. С.147.

